

Глава 5

— Правда? — недоверчиво спросил Юн Шу. — Болезнь Главы семьи не смогли вылечить многие лекари, даже придворные врачи оказались бессильны.

Сюнь Фэн загадочно улыбнулся.

— Иди.

Не прошло и мгновения, как ворота резиденции Чжичжи распахнулись, и на пороге появилась служанка с суровым лицом.

— Молодой господин Бяо, Глава семьи просит вас войти.

Сюнь Фэн ожидал этого. Расправив плечи, он шагнул за ворота. Юн Шу и Юн Хуа хотели последовать за ним, но девушка их остановила.

— Дальше нельзя. Глава семьи пригласил только молодого господина Бяо.

«Ого, каков хозяин, таков и слуга. Похоже, с кухней будет нелегко. Но кто такой Сюнь Фэн? Каких только красавиц он не видывал! Такие, как она, поначалу неприступны, но стоит им признать тебя, и они будут твоими без остатка, даже прогнать не сможешь»

Сюнь Фэн, сохраняя любезный вид, с улыбкой обратился к двоим слугам:

— Раз так, возвращайтесь.

Подростки удалились. Служанка закрыла ворота и молча повела его вглубь двора. Сюнь Фэн заметил, что в резиденции Чжичжи было очень тихо и безлюдно. Во дворе не было видно ни слуг, ни служанок. Принюхавшись, он уловил слабый горьковатый аромат лекарств. Воспользовавшись отсутствием посторонних глаз, Сюнь Фэн сорвал с куста горсть листьев и сунул в рукав.

— Молодой господин Бяо прибыл.

Едва откинули занавес, как Сюнь Фэна обдало волной жара, а затем в нос ударил густой запах лекарств. Похоже, слухи не врал, кухня серьезно больна.

Искать хозяина не пришлось. Юноша сразу увидел Юнь Чэмина.

Он сидел на большой лежанке у окна, опершись на подушку с узором из золотых змей, и был

поглощен чтением счетной книги. Сюнь Фэн не стал мешать. В прошлый раз, в суматохе, он не смог как следует всё разглядеть. Теперь же, глядя на него, он замер. Невероятно красив. Черты лица изысканные, с оттенком мужественности, — красота, стирающая грань между полами.

— Насмотрелся?

Сюнь Фэна не смутило, что его застали врасплох.

— Кузина прекрасна, как фея с картины, — без тени смущения ответил он. — На тебя можно смотреть вечно.

Какая лесть.

Юнь Чэмин, еще в цветочном зале ставший свидетелем его легкомыслия, отложил счетную книгу.

— Я слышал, у тебя есть лекарство? — нахмурился он.

Сюнь Фэн сел на стул.

— Именно так.

Юнь Чэмин слегка наклонился вперед.

— Ты изучал медицину?

— Кузине я так любопытен? — Сюнь Фэн не сводил с него глаз. — Для меня это честь.

Губы Юнь Чэмина дрогнули.

— Ты неграмотен? — не сдержался он.

«Хм, а она умеет язвить»

— Кузина, я вижу, вы человек начитанный, мудрость так и льется из вас, — с улыбкой сказал Сюнь Фэн. — У меня есть один вопрос, не просветите ли вы меня?

Юнь Чэмин был человеком строгих нравов и не одобрял легкомыслия. Он хотел было проигнорировать гостя, но потом подумал, что после разлуки семья Бай могла пережить

тяжелые времена, и, возможно, Бай Цзин действительно не получил образования. В таком случае прежние слова могли его обидеть.

Подумав об этом, Юнь Чэмин смягчился.

— Хорошо, спрашивай. Я отвечу на всё, что знаю.

Сюнь Фэн посмотрел ему прямо в глаза, его тон стал мягким и немного обиженным.

— Почему ты не называешь меня братом?

Юнь Чэмин замер.

— Сестренка, — голос Сюнь Фэна был чарующе красив, — назови меня братом, тебе это ничего не будет стоить.

Глаза Сюнь Фэна были необыкновенно красивы, они словно источали влажный блеск. Когда он смотрел на кого-то, казалось, он заглядывает прямо в душу. Густые, длинные и загнутые ресницы придавали ему немного наивный вид, отчего его слова звучали искренне, и отказать ему было невозможно. А когда он опускал веки, на свету проступала крошечная родинка, словно дразня и увлекая за собой.

В других делах он был ленив, но в искусстве обмана и соблазнения — неутомим. С тех пор, как он впервые получил булочку за свою красивую внешность, он усвоил одну истину: все в этом мире судят по лицу.

Никто не был исключением.

«Кузина, хоть и сильна, но все же женщина, — с самодовольством подумал Сюнь Фэн. — Смотри-ка, она очарована»

— Проводите гостя!

Сюнь Фэн опешил.

Юнь Чэмин несколько раз кашлянул, его лицо стало еще бледнее, а губы — ярче.

— Иньжуй, проводите гостя! — повторил он громче.

Служанка поспешно вошла в комнату и, с недовольным видом, потащила растерянного гостя к выходу. Сюнь Фэн не ожидал, что Юнь Чэмин рассердится, и уж тем более не ожидал, что у

девушки окажется такая сила. Попытки вырваться были тщетны, и он позволил увести себя.

— Говори, как ты разозлил Главу семьи? — сердито спросила Иньжуй. — Мне все равно, племянник ты или нет, здесь главный — Глава семьи, и никто не смеет ему перечить!

Сюнь Фэн неторопливо поправил одежду.

— А ты, оказывается, умеешь сердиться, — с любопытством заметил он. — Когда ты вела меня сюда, у тебя было такое лицо, будто ты из глины сделана.

Иньжуй застыла, а потом, надувшись, сказала:

— Глава семьи слаб здоровьем и никогда зря не гневается. Что ты ему такого сказал?

— Я ничего не делал, — невинно развел руками Сюнь Фэн.

Иньжуй с подозрением оглядела его.

— Уходи.

— Этого не будет, — Сюнь Фэн обошел её и крикнул в сторону дома: — Кузина, ты что, передумала лечиться?

Иньжуй никогда не видела такого наглеца. Она раскинула руки, преграждая ему путь.

— Не смей беспокоить Главу семьи.

— У меня есть секретное лекарство, которое может вылечить кузину, — Сюнь Фэн приподнял бровь, глядя на служанку. — Или ты хочешь, чтобы она умерла?

Иньжуй растерялась. Сюнь Фэн молчал, ожидая. Через некоторое время она сжала кулаки.

— Ты говоришь правду?

— Я никогда не лгу, — с улыбкой ответил Сюнь Фэн.

— Хорошо, жди здесь, — решила Иньжуй и, глубоко вздохнув, вошла в дом.

— Глава семьи...

Юнь Чэмин знал, что она хочет сказать, и прервал её:

— Моя болезнь неизлечима.

Глаза Иньжуй тут же покраснели.

— Глава семьи, — всхлипнула она, — давайте попробуем, как последнюю надежду. Пусть молодой господин Бяо посмотрит, вреда ведь не будет. А вдруг у него и вправду есть способ? Госпожа все эти годы так переживала за вас, что совсем поседела.

Юнь Чэмин замер. Воспоминания нахлынули на него.

Он родился мальчиком, но с самого детства был слаб и болезнен. Родители искали помощи у лучших лекарей Поднебесной, но все было тщетно. Когда ему было пять лет, они встретили даосского монаха.

Монах сказал, что у Юнь Чэмина особая судьба, он родился не в том теле. Если это не исправить, он не только принесет несчастье близким, но и не доживет до двадцати лет. Чтобы спастись, есть два пути.

Юнь Му тут же принял монаха как почетного гостя. Первый путь, по его словам, был быстрым, но болезненным: сжечь Юнь Чэмина, чтобы он поскорее переродился.

Отец и госпожа Бай побледнели от ужаса. Юнь Чэмин был их единственным сыном, как они могли на это пойти? Супруги наотрез отказались.

— Тогда остается только одно, — сказал монах, — вернуть его на свое место.

— Что это значит? — не поняла госпожа Бай.

— Пусть Юнь Чэмин живет как девочка, а затем вступит в брак, предначертанный судьбой.

— Превратить мальчика в девочку? — возмутился Юнь Му. — Невозможно! У меня один сын! На него возложены большие надежды.

— Только став женщиной и выйдя замуж до двадцати лет за своего суженого, Юнь Чэмин сможет выжить, — ответил монах. — Иначе вы все отправитесь в подземный мир.

Родители, переглянувшись, с трудом согласились. Они спросили, кто же его суженый.

Монах назвал дату рождения, и они обомлели — она в точности совпадала с датой рождения

Бай Цзина!

Так уж совпало, что госпожа Бай и мать Бай Цзина забеременели почти одновременно. Семьи договорились, что если родятся мальчик и девочка, то они поженятся. Но родились два мальчика, и о помолвке забыли.

— С этого дня, — добавил монах, — вы должны воспитывать его как девочку, чтобы он и сам в это поверил.

Хоть и скрепя сердце, но ради спасения сына супруги согласились. Они распустили всех слуг, оставив лишь верного управляющего Хэ. С тех пор в семье Юнь не было господина, была только госпожа.

Но Юнь Чэмину было уже пять лет, он был умен не по годам и наотрез отказывался носить женскую одежду. Родители, жалея его и сомневаясь в словах монаха, смотрели на это сквозь пальцы.

Прошел год. Юнь Му и госпожа Бай вздохнули с облегчением, решив, что опасность миновала. Но в свой шестой день рождения Юнь Чэмин начал кашлять кровью, и его нельзя было остановить. Он много дней был без сознания, и лекари сказали готовиться к худшему.

Госпожа Бай тут же вспомнила слова монаха. Она передела Юнь Чэмина в женское платье и позвала Бай Цзина, чтобы тот был рядом. И, о чудо, Юнь Чэмин очнулся!

Юнь Му, не веря своему счастью, тут же отправился свататься к отцу Бай Цзина. Тот отказался, говоря, что брак между двумя мужчинами противен природе и небу. Юнь Му предложил в качестве приданого половину своего состояния, и отец Бай Цзина скрепя сердце согласился. Семьи обменялись гороскопами и залогами.

Но как только госпожа Бай подумала, что все позади, случилось землетрясение. Мир превратился в ад, семьи были разлучены, и о семье Бай больше ничего не было слышно.

Колесо судьбы неумолимо вращалось. Юнь Му, здоровый и сильный, умер молодым, а госпожа Бай с каждым днем угасала. Все сбывалось по словам монаха.

Юнь Чэмин страдал. Отказавшись от своих мечтаний, он был вынужден принять реальность — жить как женщина.

— Глава семьи, пусть молодой господин Бя посмотрит вас! — взмолилась Иньжуй.

— Пусть войдет, — безмолвно произнес Юнь Чэмин.

Солнце стояло в зените, припекая нещадно. Сюнь Фэн, укрывшись в тени скалы, ковырял прутиком муравейник.

Честно говоря, Сюнь Фэн не любил слишком серьезных женщин. Ему больше нравились те, что с характером, свободные. Сошлись — хорошо, разошлись — тоже неплохо. Но таких было мало. Только птенчик был ему по душе, жаль, что он мужчина.

Юнь Чэмин, хоть и был серьезен, но был не обычной женщиной, а Главой семьи Юнь, богатейшим из богатых, да к тому же больным.

«Держись, — сказал себе Сюнь Фэн, — соблюдай меру. Лучше всего, чтобы Юнь Чэмин увлекся, но не влюбился. Тогда будет легче сбежать»

Приведя мысли в порядок, Сюнь Фэн отбросил прутик и встал, отряхивая одежду. В этот момент подошла Инъжуй.

— Молодой господин Бяо, я еле уговорила Главу семьи. На этот раз не смейте его обижать.

— Будь спокойна, — серьезно кивнул Сюнь Фэн.

Войдя в комнату во второй раз, Сюнь Фэн вежливо извинился:

— Я был неправ. Глава семьи великодушен, прошу простить меня.

— Кто умеет признавать свои ошибки, тот на верном пути, — Юнь Чэмин жестом указал Сюнь Фэну на стул. Его тон был спокоен, но не терпел возражений. — Ты здесь недавно и еще не знаешь всех правил. В семье Юнь строгие нравы, и легкомыслие здесь недопустимо. Раз уж ты стал частью нашей семьи, ты должен их соблюдать. Впредь следи за своими словами и поступками, не будь так ветрен.

Какая скука.

Сюнь Фэну захотелось тут же отрастить крылья и улететь из этой золотой клетки. Но клетка была из золота, а в ней сидела прекрасная птица, так что пришлось смириться.

Он сделал серьезное лицо и, сложив руки, сказал:

— Спасибо, кузина, что просветила меня. Признаться, после смерти родителей я скитался по свету, думая лишь о том, как бы набить желудок. Откуда мне было знать о правилах приличия?

От твоих слов у меня щеки горят, мне так стыдно перед тобой.

Сказав это, Сюнь Фэн поднял голову, в его глазах блеснул озорной огонек, а тон стал мягким и просительным.

— Давай так. Я буду учиться у тебя правилам семьи Юнь, а ты будешь моей наставницей. Идет?

Юнь Чэмин опустил взгляд на свое платье, и его сердце сжалось от унижения.

— Какое у тебя лекарство, брат? — резко сменил он тему.

Он ясно помнил, как отец сватался к Бай Цзину. Тот был там и, услышав о браке, расплакался, крича, что ни за что не женится на мужчине. Отец избил его, и с тех пор Бай Цзин смотрел на него с неприязнью, часто насмехаясь и называя ни мужчиной, ни женщиной.

А теперь этот Бай Цзин с радостью соглашается на брак. Очевидно, ради приданого, ради половины состояния семьи Юнь. Но зачем тогда он говорит о лекарстве? Ведь он сам — лучшее лекарство.

Юнь Чэмин с подозрением посмотрел на стоящего перед ним Бай Цзина.

<http://bllate.org/book/16000/1441660>